

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В.Л. Шалбин

*Кафедра «Философия и социально-гуманитарные дисциплины»,
ГОУ ВПО «Ивановский государственный архитектурно-строительный
университет», г. Иваново; shalbin@mail.ru*

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

Ключевые слова и фразы: интеграция; информационное общество; солидарность; социальное действие; социальная периферия; социальное пространство; трансформация.

Аннотация: Анализируются основные проблемы социально-политической трансформации конца XX – начала XXI в. Основное внимание уделяется рассмотрению социальной сплоченности как интегральной характеристике качества процесса формирования гражданского общества. Основное место уделяется социальному действию как неизменному критерию конструирования социальной трансформации.

В условиях всеобщего процесса глобализации, модернизации и демократизации гражданское общество обрело самостоятельную силу, стало ведущим, определяющим и решающим в эволюционном процессе. Появились новые тенденции во взаимоотношениях между государством и обществом. Они приобрели более динамичный и взаимозависимый характер и приблизились к жизненным интересам каждого из участников. В свою очередь, социальная сплоченность, с нашей точки зрения, дает именно ту характеристику качества процесса формирования современного гражданского общества, которая способна ориентировать социум в условиях трансформаций, противодействовать деструкции, кризису, упадку, нейтрализовать напряженные конфликты и способствовать стабильности общества его совершенствованию и упрочнению.

Безусловно, социальная сплоченность, подразумевающая интеграцию общества, поддержание порядка в обществе, обеспечение социального и национального согласия, предотвращение отчуждения масс от власти – результат зрелости гражданского общества, наполняющая качественным содержанием сам процесс формирования гражданского общества.

Тем не менее, характер диалектики развития гражданского общества указывает на то, что в интересах получения достоверного научного знания, продуктивной является постановка вопроса не о том, состоялось или не состоялось гражданское общество, а в какой степени, или на какой стадии своего развития оно находится или находилось. Гражданское общество является местом самопроизводства социальной справедливости и сообществом сплоченности, так где же следует

искать потенциал сплоченности в гражданском обществе и как этот потенциал следует мобилизовывать.

Важно сказать, что характер эпохи, ее собственное культурно-ментальное, мировоззренческое и технологическое пространства, статус социальных субъектов определяют заданность и моделируют сам характер социальных преобразований. Нас интересует, прежде всего, процесс качественного перехода социума от традиционных форм существования (индустриального общества) к развитому гражданскому обществу в новых условиях постмодерна, что непосредственно является актуальной проблемой как в рамках российского общества, так и непосредственно проблемой глобального масштаба.

Сегодня, отвечая на вопрос о том, что служит причиной слабо развитой социальной сплоченности в современном социуме, мы наталкиваемся на ряд проблем, которые принципиально мешают оптимизации социальной системы, и могут помешать более глубокому раскрытию внутреннего потенциала общества. Одной из этих проблем является рост социальной изоляции в индивидуалистическом и испытывающем дефицит моральности постиндустриальном обществе.

«В социальной сфере постмодернизм соответствует обществу потребления и массмедия (средства массовой коммуникации и информации), основные характеристики которого выглядят аморфными, размытыми и неопределенными. В нем нет четко выраженной социально-классовой структуры. Уровень потребления – главным образом материального – выступает основным критерием деления на социальные слои. Это общество всеобщего конформизма и компромисса. К нему все труднее применять понятие «народ», поскольку последний все больше превращается в безликий «электорат», в аморфную массу «потребителей» и «клиентов»... Постмодерный человек... склонен жить одним днем, не слишком заботясь о дне завтрашнем и тем более о далеком будущем. Главным стимулом для него становится профессиональный и финансовый успех. Причем этот успех должен прийти не в конце жизни, а как можно раньше. Ради этого постмодерный человек готов поступиться любыми принципами... Мировоззрение постмодерного человека лишено достаточно прочной опоры, потому что все формы идеологии выглядят размытыми и неопределенными... это мировоззрение можно определить как неофатализм... человек уже не воспринимает себя в качестве хозяина своей судьбы... Он понимает, что слишком много в его жизни зависит от игры случая, удачи и везения... Постмодерное общество теряет интерес к целям» [1, с. 304].

Общее мировоззренческое, ментальное поле, пространство культуры здесь как бы мозаично, поэтому социальная трансформация здесь не выражена надличностными субъектами (классами, нациями и т.д.), но скорее задана индивидами и их свободными ассоциациями, с одной стороны, а с другой – определяется в значительной мере системно-организационными процессами технического, технологического, информационного плана. Наиболее четкими проявлениями социально-субъектных различий становятся такие как «элита (политическая, прежде всего) и общество», «интеллектуалы – лица массовой культуры», и т.д.

Принцип механизма преобразования общества через субъектную трансформацию в современном посттрадиционном мире выявляет смысловые, коммуникативные, конструктивные свойства субъекта. Мы можем заметить, что в ходе формирования гражданского общества сегодня особенно важным становится переосмысление целостности общества, его «перекодирование» через мировоззренчески-смысловые, ценностные параметры. Это изменение способа социальной представленности общества для современников, переоценка наиболее важных средств жизнеобеспечения и т.д.

Подтверждением этому может служить переход непосредственно нашего общества к постсоциалистической эпохе через «перестройку». Он не был револю-

ционным потрясением: здесь не было революционного насилия, массового кровопролития, гражданской войны. Этот переход к капитализму «сверху» был обеспечен массовым внедрением различных мифов и искажений исторических фактов, перекодировкой сознания масс через разрушение прежней идеологии и подрыва жизненных оснований той среды, которая была обеспечена ею: отсутствием товаров в магазинах, раскручиванием несправедливости решения национального вопроса (депортации и др.). Здесь был использован в полной мере ресурс информационного общества, для которого все большее значение имеет текстовая форма бытия социума, особенности его вербального определения.

Можно вполне согласиться с П. Бурдье в том, что «способность осуществить в явном виде, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, то есть официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию... представляет собой чудовищную социальную власть – власть образовывать группы, формируя здравый смысл, явно выраженный консенсус для любой группы. Действительно, эта работа по выработке категорий – выявлению и классификации – ведется непрерывно, в каждый момент обыденного существования, из-за той борьбы, которая противопоставляет агентов, имеющих разные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий... Понятно, что одна из простейших форм политической власти заключалась во многих архаических обществах в почти магической власти: называть и вызывать к существованию при помощи номинации» [2, с. 66–67].

Трансформация здесь осуществлялась на экзистенциально-психологическом уровне бытия социальных субъектов, во многом, по модели А.С. Ахиезера: общество ощутило дискомфорт своего существования в новых условиях постиндустриализации и глобализации, а потому, адаптируясь к ним, восстановило свой комфорт, психологическое самоощущение и самоидентичность через смену идеала, то есть новое видение реальности. Следовательно, мировоззрение оказалось весьма важным и действенным инструментом в механизме той социальной трансформации, которую осуществили бывшие республики СССР, переходя к капитализму [3].

Тем не менее, изменение ценностно-смыслового содержания внутри общества не помешало возникновению эрозии социальной сплоченности, проявившейся в процессе роста социальной периферии, нарастании физической дистанции между социальными группами.

В этой связи, мы можем отметить, что наиболее важным различием в социальном пространстве выступает отношение власти, господства и подчинения. Оно непосредственно структурирует социальное пространство, выделяя в нем центры и периферию, определяя политику захвата центров, присвоения тех благ и возможностей, которые с этим связаны. Именно так организовано социальное пространство города, территории, страны в целом и даже мировое: в нем всегда выделяются свои центральные зоны, накапливаются ресурсы и средства воздействия на другие, периферийные части пространства.

П. Бурдье не только рассмотрел социальное пространство с позиции власти и присвоения, но и показал, как оно строится через реальную политическую борьбу: «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала. Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения. Напротив, тех, кто лишен капи-

тала, держат на расстоянии либо физически, либо символически от более дефицитных в социальном отношении благ и обрекают соприкоснуться с людьми или вещами наиболее нежелательными и наименее дефицитными. Отсутствие капитала доводит опыт конечности до крайней степени: оно приковывает к месту. И наоборот, обладание капиталом обеспечивает, помимо физической близости к дефицитным благам (место жительства), присутствие как бы одновременно в нескольких местах благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации» [2, с. 69], которые также выступают характеристиками социального пространства – его способами преодоления во времени.

Таким образом, свойства отношения «социальный центр»–«социальная периферия» во многом определяют особенности социальной трансформации. Но вместе с тем, всегда остается та инстанция, то есть гражданское общество, для которой трансформация узнается и определяется как таковая, служит определенным средством в контексте (пространстве) поставленных целей. Социальная трансформация – это прямое следствие различий социальных субъектов, их статусов и «энергетического потенциала», поэтому трансформация выступает как постоянная «корректировка» реального положения этих субъектов, уточнение их положения через изменение социальных структур и отношений. Социальная трансформация – средство и результат тех субъектных различий, которые связаны с неодинаковым положением субъектов в обществе, их различными функциями. Она выражает качественные превращения в обществе, при посредстве которых восстанавливает определенное соответствие социальных структур и субъектных взаимодействий (различий) внутри социального пространства, способствует развитию устойчивости и сплоченности внутри данного пространства.

Механизм социальной трансформации, и, соответственно, формирование гражданского общества, в целом, всегда связан с диалектическим процессом выявления и разрешения противоречий. Поэтому здесь существуют этапы, в которых выявляются и разрешаются противоречия: «антитезис» выявляет как обособление нового субъекта, так и его критическое отношение к данной реальности. Оно может сдерживаться инерцией системы, ее институтов, технологиями и т.д., но именно отрыв нового субъекта от своего общества–основы, его обособление раскрывает то новое, еще «ничейное» пространство, которое важно осваивать и структурировать. Поэтому «синтезом» в данном случае становится сама трансформация, которая завершает механизм субъектного становления и открывает сам путь преобразований, процесс развития гражданского общества.

Общество состоит из множества плюралистических и отчасти конфликтующих интересов подчеркивают Дж. Коэн и Э. Арато, и поэтому проблематично, может ли сплоченность считаться применимой во всех обществах [4]. Этот плюрализм различных интересов существует как в открытом и демократическом обществе, так и между различными обществами. Это означает, что мы должны иметь в виду наличие внутригрупповой сплоченности и сплоченности между различными группами. Предположение, что социальная реальность состоит из различных, частью конфликтующих, интересов, ведет к заключению о том, что понятия социальных конфликтов, социального действия, социального протеста и коллективного действия являются ключевыми для развития общества. «Социальное действие» – это одно из подлинных выражений гражданского общества, и оно должно стать основной формой гражданской защиты от господства экономики и политики.

«Сегодня «действие» – это ключевое понятие философии и почти всех социальных и культурологических наук; усилия по созданию «теории действия» во всех этих дисциплинах находятся в центре внимания современных теорий»

[5, с. 10]. Социальная сплоченность, в свою очередь, играет ключевую роль как философское основание для мобилизации социальных действий. Согласно Роберту Фишеру, «усилие классического социального действия ориентировано на конфликт, сфокусировано на прямом действии и пущено в ход, чтобы организовать ущемленных или обиженных для собственных действий» [6, с. 327]. По Ю. Хабермасу, солидарность (сплоченность) – результат индивидуального опыта, в котором каждый ответствен за другого, так как они имеют общие интересы в силу общей идентичности [7]. Сплоченность «не мыслится как распознавание исходного Я, человеческой сущности во всех людях. Скорее, она мыслится в качестве способности видеть традиционные различия (племенные, религиозные, расовые, культурные и т.д.) как несущественные по сравнению со сходствами... – способность думать о людях, весьма отличных от нас, как о включенных в разряд “мы”», подчеркивает Р. Рорти [8, с. 192]. Вопрос в том, при каких общественных условиях мы можем ожидать, что люди будут видеть социальные различия как несущественные и принимать «других» как часть «нас».

Механизм социальной трансформации реализуется лишь тогда, когда назревшие условия требуют перехода к иным качественным характеристикам общества, то есть в период скачков, революционных изменений, разрывов постепенности: именно в этих ситуациях возникает та субъектная форма, позиция, отношение, в контексте которых происходит внутреннее социальное преобразование. Важно подчеркнуть, что специфика активности субъекта определяется общими характеристиками, качествами данного общества, эпохи. В современном информационном обществе, сопутствующем эпохе постмодернизма, субъект – как это произошло в постсоветских странах – производит мировоззренческий, смысловой переворот: в отличие от классических или прежних эпох, здесь механизм трансформации идет от нового смысла к действию, а не вследствие давления новых условий, которые объективно складываются в данном обществе.

Социальная трансформация, на наш взгляд, выступает наиболее глубоким типом изменений общества, затрагивая все его стороны и связи, преобразуя его сущностные качества, поскольку, кроме экономических факторов, на развитие и преобразование общества воздействуют и ряд других сил, тенденций, трансформации общества происходят не только через социальные революции, но и через культурные, информационные, технологические, экологические и другие воздействия. В этом отношении социальные трансформации не тождественны социальным революциям, которые являются лишь одним из видов глубинных преобразований общества. Однако социальные революции наиболее исследованы в концептуально-структурном плане, а потому до сих пор принимаются за основную форму социальных преобразований. Но можно указывать и на важность таких форм социальных преобразований, как информационная революция в управлении, научно-техническая революция, революция в образовании, в стиле жизни и т.д. Здесь везде действует сходный механизм, в котором выстраивается субъектно-культурная «проекция», снимающая прежние формы и средства легитимности соответствующих инфраструктур и организаций (систем) и мобилизующая общество в направлении указанных вариантов изменений.

Таким образом, мы можем заключить, что каждая эпоха вырабатывает свои собственные «модели» качественных изменений общества, – модели, в которых обоснованы средства таких трансформаций, начиная с нового времени – их цели, общая «технология» – набор «алгоритмов», в совокупности которых и реализуется этот процесс. Но неизменной становится в связи с этим роль и место субъекта в процессе конструирования социальных трансформаций: именно его свойства и характеристики во многом задают, определяют специфику и самой трансформации, процесса формирования гражданского общества и его основного содержания

и интегральной характеристики качества – социальной сплоченности как признака и источника социального действия, направленного на трансформацию институциональных возможностей, выражающих групповые ценности, интересы и цели, являясь индикатором субъектности группы, показывающий степень ее сплоченности, интеграции, упорядоченности, стабильности и устойчивости, решимости к самопрезентации своих потребностей.

Список литературы

1. Миронов, В.В. Философия : учеб. для вузов / В.В. Миронов. – М. : Норма, 2005. – 928 с.
2. Бурдьё, П. Социология политики : пер. с фр. / П. Бурдьё : сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Ахиезер, А.С. Модернизация в России и конфликт ценностей / А.С. Ахиезер, Н.Н. Козлова, С.Я. Матвеева. – М. : Изд-во ИФ РАН, 1994. – 250 с.
4. Коэн, Дж. Гражданское общество и политическая теория : пер. с англ. / Дж. Коэн, Э. Арато. – М. : Весь мир, 2003. – 784 с.
5. Йоас, Х. Креативность действия : пер. с нем. / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2005. – 320 с.
6. Fisher, R. Social Action Community Organization: Proliferation, Persistence, Roots, and Prospects / R. Fisher // Strategies of Community Intervention. – Fifth Ed. – Itasca, Illinois, 1995. – P. 327–340.
7. Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 1992. – 176 с.
8. Rorty, R. Contingency, Irony, and Solidarity / R. Rorty. – Cambridge. : Cambridge University Press, 1989. – 224 p.

Social Cohesion as the Key Component of Holistic Civil Society Formation

V.L. Shalbin

*Department “Philosophy and Social-Humanitarian Disciplines”,
Ivanovo State University of Architecture and Civil Engineering, Ivanovo;
shalbin@mail.ru*

Key words and phrases: integration; information-oriented society; solidarity; social action; social periphery; social space; transformation.

Abstract: The author analyzes the main issues of socio-political transformation at the end of the 19th – the beginning of the 20th century. Special attention is paid to the consideration of the social cohesion as an integral characteristic of the process of civil society formation. The main subject of the article is social action as an invariable indicator of social transformation construction.

Soziale Einigkeit als Schlüsselkomponente der Bildung der ganzheitlichen Bürgergesellschaft

Zusammenfassung: Der Autor analysiert die Hauptprobleme der sozialpolitischen Transformation des Endes des XX. – des Anfanges des XXI. Jahrhunderts. Die Hauptaufmerksamkeit wird der Betrachtung der sozialen Einigkeit als integralen

Charakteristik der Qualität des Prozesses der Formierung der Bürgergesellschaft geschenkt. Der Hauptplatz wird der sozialen Wirkung als unveränderten Kriterium des Konstruierens der sozialen Transformation geschenkt.

Cohésion sociale comme une composante clé de la formation d'une société civile intègre

Résumé: L'auteur analyse les essentiels problèmes de la transformation socio-politique du fin du XX-ème – début du XXI-ème siècles. L'attention principale est prêtée à l'examen de la cohésion sociale comme une caractéristique intègre de la qualité du processus de la formation d'une société civile. L'essentiel sujet de l'article est l'action sociale comme un critère stable de la construction de la transformation sociale.

Автор: *Шалбин Владимир Леонидович* – аспирант кафедры «Философия и социально-гуманитарные дисциплины», ГОУ ВПО «Ивановский государственный архитектурно-строительный университет», г. Иваново.

Рецензент: *Бульчѐв Игорь Ильич* – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные дисциплины», ГОУ ВПО «Ивановский государственный архитектурно-строительный университет», г. Иваново.
